

— У меня уже всё готово, — отозвался Дин Тянь. — Уездный судья немало помогал покойному отцу, да и меня без заботы не оставлял. Думаю, стоит преподнести ему скромный подарок.

— Скромный? — удивился Дин Дахэ, его третий дядя. — Разве не подобает вручить что-то побогаче? Серебра там отсыпать или ещё чего?

— Дядюшка, так ведь это уже взяткой назовут! — улыбнулся Дин Тянь, не зная, смеяться ему или плакать. — А вот скромное подношение покажет, что мы чтим его заботу. А уж насколько оно скромное — зависит от того, как мы его преподнесём.

— Тянь-эр у нас смыслённый, поумнее нас двоих будет, — заступился за племянника второй дядя, Дин Дацзын. — Раз малый так решил, пусть делает. Ему ведь на этой службе обустраиваться.

Дядя Дацзын рассудил верно. Юноша остался без родителей, теперь он сам себе опора и хозяин дома, а значит, ему пора привыкать к тонкостям уездного этикета и заводить нужные знакомства. Коли суждено кормиться со службы при управе, нужно как можно скорее набраться ума-разума, иначе быстро оберут до нитки.

— Ладно, брат, твоя правда, — согласился Дин Дахэ, сразу оставив сомнения.

К тому времени как раз поспел обед. Все трое перебрались в горницу, где стоял просторный стол, за которым вскоре собралась вся семья.

Хозяева расщедрились на целое блюдо тушёной свинины — мясо томилось в густом тёмном соусе, источая умопомрачительный аромат. К нему подали две тарелки хрустящих соевых ростков и миску пышного омлета в соевой пасте — угощение, которое принесла с собой госпожа Дин Ян, вторая тётушка.

Простые крестьяне отродясь не ведали господских премудростей вроде «ешь молча», так что за обедом беседа потекла сама собой.

— Послезавтра мне заступать на службу, — проговорил Дин Тянь. — Так что дом и хозяйство оставляю на вас, дяди и тётушки. Я сегодня виделся с уездным судьёй, он подтвердил, что ждёт меня к этому сроку.

— Ну и славно, ну и чудесно! — заулыбались родные.

Их радость была понятна. Одно дело — посулы, и совсем другое — занять хлебное место на деле. Стоило какому-нибудь ушлому проныре перехватить должность главного тюремщика, и племяннику пришлось бы довольствоваться долей тюремного стражника. А между рядовым тюремным стражником и главным тюремщиком лежала пропасть. То, что Дин Тянь закрепился на месте главного тюремщика, сулило немалую пользу и всей семье, и Деревне семьи Дин.

Расправившись с обедом, Дин Тянь достал из рукава две золотые шпильки.

— Мои кузины сейчас в самом нежном возрасте, — мягко произнёс он. — Особого богатства я ещё не нажил, но хочу сделать сёстрам небольшой подарок. Пусть носят на радость, коли придутся по душе.

— Племянник, помилуй, это же слишком дорого! — ахнул Дин Дацзян.

— Тянь-эр, к чему такие траты? — нахмурился Дин Дахэ.

Оба дяди недовольно сощурились, а их жёны и вовсе застыли, во все глаза глядя на сверкающее золото.

— Дядюшки, тётушки, — парень аккуратно положил украшения на чисто выскобленный стол. — Эти шпильки вы покупали для моих обручений. Теперь, когда помолвки расторгнуты, справедливо будет вернуть золото в лоно семьи. Пусть сёстры носят его сейчас, а со временем заберут с собой как приданое.

Сами шпильки были тонкими — едва ли толще соломинки, но сработаны на диво искусно: одну венчал бутон сливы-мейхуа, другую — изящная орхидея.

— Не хочешь, чтобы они мозолили тебе глаза? — неверно истолковал его жест второй дядя. Он решил, что племянник просто тяготится воспоминаниями о позорном расторжении помолвок и не желает держать при себе эти вещи.

— Пожалуй, так, — не стал разуверять его Дин Тянь и согласно кивнул. — Отдайте сёстрам, им они нужнее.

Хоть шпильки и весили немного, стоили они не меньше нескольких серебряных ланов. Но парень расстался с ними без тени сожаления.

— Хорошо, пусть девчонки забирают, — вздохнул Дин Дацзян. Считая, что понимает душевную рану племянника, он сгрёб золото со стола.

Кузины так и просияли — подобный щедрый подарок затмил бы любые другие подношения. Покончив с этим делом и договорившись обо всём с роднёй, Дин Тянь почувствовал, как с души свалился огромный камень.

Спустя два дня староста Дин Мо так и не объявился, зато у ворот выросли оба дяди. Они пригнали пару запряжённых быками телег: одна предназначалась для самого Дин Тяня, другая — для его нехитрого скарба.

Вещей у него набралось немного. Две смены постельных принадлежностей, восемь добротных будничных одеяний да четыре пары прочной обуви — всё это заботливые тётушки нашили и подготовили загодя. К вещам добавили двадцать цзиней проса и десять цзиней отборного белого риса. Крестьянская мудрость гласила: где бы ты ни столовался, а свой мешочек с зерном в запасе иметь надобно.

Для хозяйства снарядили двух молодых петушков и четырёх несушек. Напоследок погрузили четыре лопатки вяленого окорока, шесть цзиней сушёной зелени и добрый кувшин с десятью цзинями крепкого хлебного вина.

Ко всему прочему Дин Тянь отобрал два рулона тонкого шёлка из тех запасов, что остались от свадебных подношений богача Гао. Они предназначались для уездного судьи. Вот такая у него вышла «скромная» благодарность высокому чиновнику. Помня, что личный советник Ду Кан тоже не дурак выпить, молодой человек приготовил подношение и для него: пару вяленых кур, жирного сушёного зайца, ещё один кувшин хмельной влаги и отрез неброского, благородного шёлка на халат.

<http://bllate.org/book/19387/1979164>